

*Моим родителям, чьи рассказы
о нашей семье я позаимствовала
для этой книги. Переделанные,
изменённые до неузнаваемости,
эти истории — здесь*

Глава первая

Входная дверь глухо захлопнулась за спиной. Иви подавила тяжёлый вздох. Как хорошо было на улице, на свежем воздухе! Из церкви они шли пешком, и морской ветер на время развеял весь ужас произошедшего. Но в доме воздух был душным и пыльным, плотным и спёртым. Казалось, что даже сад вокруг дома погрузился в печаль. Они пришли сами, родители поехали в экипаже вдвоём, мама совсем обессилела от горя, и папа отправил девчонок домой под присмотром Дэвида.

— Что нам делать? — спросила Китти слабым, тоненьким голоском. Под

траурной чёрной вуалью её крошечное бледное личико казалось измученным. Даже её голубые глаза сделались тускло-серыми, а светлые волосы будто поблёкли и стали почти бесцветными. Иви подумала, что она сама выглядит точно так же — но у неё ещё и красный нос, потому что на кладбище она плакала, а Китти нет. Китти просто стояла, глядя на гроб, который казался гораздо меньше Александра. Может быть, потому, что при жизни Алекс был шумным, безудержным, любопытным, и всё время казалось, что его слишком много — а теперь его вдруг не стало.

— Что нам делать? — снова спросила Китти. — Мама уже дома?

Иви посмотрела на старшего брата. Дэвид же почти взрослый, ему пятнадцать, и он должен за ними присматривать. Он должен знать, что делать. Но он казался таким же растерянным, как и они, и постоянно озирался по сторонам, словно ждал и надеялся, что сейчас кто-то придёт и объяснит, что происходит. В конце

концов он уселся на низенькую скамеечку рядом с вешалкой и невесело рассмеялся:

— Я вдруг подумал, что если бы Алекс увидел вас в этих нарядах, — он кивнул на сестёр, одетых в чёрное с головы до ног, с плотными чёрными вуалями на шляпках, — он бы сказал, что вы похожи на парочку чёрных жуков. — Дэвид шмыгнул носом.

— Или на глупых летучих мышей. — Китти подняла руки и взмахнула, как крыльями, большой пелериной на чёрном пальто, которое сшила для неё папина знакомая портниха.

Иви хихикнула и тут же испуганно зажала рот ладошкой. Их младший брат умер. Сейчас не время для смеха. Но они с Китти уже больше недели ходили печальные и молчаливые и вели себя как примерные девочки, и всё это время смех копился внутри, раздувался, как готовый лопнуть воздушный шар. В церкви она случайно услышала разговор двух старушек, обсуждавших их с Китти — дескать, они словно два маленьких ангела, такие

хорошенькие и воспитанные, — и ей было приятно, что её похвалили. Она ещё ниже склонила голову — и тут же, поймав себя на самолюбовании, покраснела от стыда. Хорошо, что на шляпке была вуаль, скрывающая её лицо. Ей действительно стало стыдно за себя. Хотя по всем ощущениям происходящее и вправду казалось спектаклем. Или игрой вроде шаррад. Трудно было держать в голове, что всё это по-настоящему. На самом деле. Всё случилось как-то уж слишком быстро, и с тех пор как Алекс заболел, Иви жила словно во сне. Ей приходилось бежать, чтобы не отставать от настоящего, а теперь время как будто умчалось вперёд, и его уже не догнать.

подавив неуместный смех, Иви сняла свои чёрные перчатки и убрала их в карман. Наверное, надо подняться наверх. Не стоять же в прихожей весь день! Она вдруг поняла, что ждёт, когда мисс Дженнингс выйдет к ним, велит немедленно переобуться в домашние туфли, снять шляпки и эти странные пальто

с крыльями летучих мышей и идти заниматься чем-нибудь полезным: продолжить вышивать или выучить ещё десяток французских слов. Иви всё время забывала, что мисс Дженнингс больше у них не работает. Мама её уволила.

Иви считала, что мама не права, обвиняя во всём мисс Дженнингс. Алекс сам полез на мокрые камни на пляже у залива Солтвик и промочил ноги. Мисс Дженнингс запретила ему подходить к воде, но он никогда никого не слушался. И гувернантка отвернулась всего на полминутки, когда Китти крикнула, что на берег вынесло медузу. Они сразу помчались домой, и мисс Дженнингс заставила Алекса переодеться в сухое. К тому же была первая неделя июля — совсем-совсем лето, — и уже почти месяц стояла жара. Буквально за неделю до случая с Алексом папа водил их на море купаться, и мама говорила, что это очень хорошо для здоровья. Иви не понимала, почему морские купания полезны, а промокшие ноги вредны?

Значит, Алекс простудился вовсе не по вине гувернантки. Он несколько дней сильно кашлял, а потом так ослабел, что не смог встать с постели. Он умер через три дня, от «скоротечной пневмонии». Горничные говорили, что он докашлялся до смерти — Иви случайно подслушала разговор Сары и Лиззи, когда они повязывали траурные ленты на дверной молоток.

В тот же день мама уволила мисс Дженнингс, и девочки видели, как та молча спускалась по лестнице, прижимая к глазам шёлковый носовой платок. Этот платок Китти ей подарила на Рождество и сама вышила в уголке инициалы «МД», потому что они с Иви не знали имени мисс Дженнингс, а вышить одну букву «Д» было бы странно. Она даже не попрощалась со своими воспитанницами — только прошептала что-то неразборчивое и ушла к себе в комнату. А ещё через час девочки наблюдали в окно, как их уже бывшая гувернантка идёт по улице со своим потёртым маленьким чемодан-

чиком — вниз по Сент-Хильдас-Террас в направлении железнодорожной станции.

Иви очень переживала за мисс Дженнингс. Она была лучшей из всех гувернанток, служивших в их доме, — и что с ней теперь? Вряд ли ей удалось сразу найти себе новое место. Может быть, прямо в эти минуты она сидит за столом в каком-нибудь жутком гостиничном номере и пишет ответы на объявления в газете своим аккуратным красивым почерком.

Иногда Иви представляла себе, что мисс Дженнингс и Алекс сейчас где-то вместе, и гувернантка вечно бежит следом за ним и велит оставить в покое бродячего пса и прекратить водить палкой по стойкам перил, потому что так делают только невоспитанные уличные мальчишки.

— Пойдём наверх, — сказала она Китти. — Мама с папой скоро вернутся.

Хотя их родители поехали из церкви в конном экипаже, дорога для транспорта шла в объезд, и пешком напрямик полу-

чалось быстрее. На обратном пути девочки с Дэвидом ненадолго задержались на мосту через портовую акваторию: просто стояли и молча смотрели на море. Иви с тоской поглядывала на маяк на краю гавани. Отсюда до пляжа рукой подать. Мисс Дженнингс водила их на прогулки по пляжу почти каждый день, даже при сильном ветре. Но оставшись без гувернантки, Иви с Китти практически не выходили из дома. Они не привыкли гулять без присмотра кого-то из взрослых, хотя родители не говорили, что это запрещено. Сёстры целыми днями сидели в игровой комнате, которую раньше делили с Алексом.

Здесь хранились почти все их игрушки: кукольный домик, старые куклы и одежда для кукол. И, конечно, игрушки Алекса. В тот день, когда Алекс промочил ноги на пляже у залива Солтвик, он играл в свою железную дорогу, и она так и осталась разложенной на полу. Раньше сёстры всегда возмущались, что Алекс не убирает за собой игрушки, но теперь

никто не собирался убирать его железную дорогу. Даже горничные старались не задевать рельсы, когда подметали пол в игровой, и игрушечные вагончики уже успели покрыться тонким слоем пыли.

Осторожно переступив через рельсы, Китти уселась прямо на полу посреди железнодорожного круга. Она вынула из кармана носовой платок, обшитый по краю траурной чёрной лентой в дюйм шириной, и бережно протёрла от пыли ближайший к себе вагончик, зелёный с золотыми деталями.

— Как ты думаешь, сколько ещё пройдёт времени, — хрипло спросила она у Иви, — пока мы не решимся убрать всё в коробку? — Она сглотнула слюну и чуть не закашлялась. — В смысле пока нам не станет уже всё равно или нас не начнёт раздражать, что мы вечно спотыкаемся об эти рельсы и поезда?

Иви покачала головой:

— Не знаю. Когда-нибудь наверняка так и будет. Но я совершенно не представляю когда. Может быть... через не-